

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-580-589

Права человека и информационный экстремизм*

В.А. Карташкин¹, Е.П. Быков²

¹Институт государства и права РАН
ул. Знаменка, 10, Москва, 119019, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: v.kartashkin@mail.ru; eg.bykov@inbox.ru)

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме научно-практического характера — соотношению и взаимосвязи института прав человека и такого сложнейшего социально-правового феномена, как информационный экстремизм, который авторы рассматривают с позиции теории сложных социальных систем — как одну из разновидностей интеллектуального экстремизма в информационном обществе. Используя аксиологический подход, авторы позиционируют права человека в качестве общечеловеческих ценностей. Соответственно, информационный экстремизм — это законодательно запрещенная деятельность (совокупность деяний, действий) в информационном пространстве, имеющая противоправный характер, несущая угрозы основам конституционного строя, безопасности личности и общества, грубо нарушающая права и свободы человека. Информационный экстремизм нацелен на деструкцию и дискредитацию социальных и личных ценностей, навязывание индивиду и обществу чуждых им ценностей и симулякров, а потому является общечеловеческой антиценностью. Информация — это конструкт реальности и одна из социальных ценностей, поэтому информационный экстремизм, намеренно использующий заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения, создает условия для искаженного восприятия реальности. Таким образом, в нынешний период глобальных геополитических и социокоммуникативных трансформаций информационные права человека представляют собой главный объект целенаправленного и деструктивного воздействия для информационного экстремизма. В статье делается акцент на том, что право человека на информацию в условиях современных реалий и пандемии нуждается в существенной корректировке — авторы предлагают разработать новую хартию прав человека в интересах развития механизмов защиты его информационных прав. В условиях постоянного расширения телекоммуникаций, нарастания информационных потоков и цифровизации практически всех сфер жизни необходимо обеспечивать право человека на достоверную информацию: Комитет по правам человека ООН может подготовить соответствующее Замечание общего порядка в соответствии со статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, чтобы уточнить характер и качество информации, право на поиск, получение и распространение которой закреплено в пункте 2 данной статьи.

Ключевые слова: права человека; информационный экстремизм; информация; информационные права; право на достоверную информацию; социальные ценности

---

* © Карташкин В.А., Быков Е.П., 2021

Статья поступила 04.03.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

В современной научно-экспертной среде сложилось неоднозначное восприятие прав человека в качестве предмета исследования: доминирует точка зрения, согласно которой они — предмет юридических и политических наук. Эта точка зрения имеет дискуссионный характер, поскольку права человека, будучи многомерным, «всеобъемлющим общественным явлением», «социальной ценностью» [15. С. 204], «аксиологической философско-правовой концепцией», «глубокой ценностной категорией» [17. С. 65], «объектом философской рефлексии» [20. С. 94], «философским концептом» [5. С. 102] и т.п., в последние десятилетия привлекают пристальное внимание представителей разных общественных и гуманитарных наук [см.: 1; 5; 8; 13; 15; 17; 20; 22; 23; 25 и др.]. Кроме того, противоречивость оценок природы прав человека обуславливается тем, что авторы используют широкий набор научных подходов: формационный, цивилизационный (культурологический), универсалистский, традиционный, институциональный, социокультурный, аксиологический (ценностный), историко-правовой, политико-правовой, естественно-правовой, позитивистский, сравнительно-правовой, международно-правовой, конституционно-правовой, философско-правовой, системный, формальный, функциональный и др. Этот список — убедительное доказательство того, что права человека представляют собой многогранный, многомерный, глобальный феномен. Так, например, с позиций институционального подхода права человека — самостоятельный институт, аксиологического подхода — традиционные [24], общечеловеческие ценности [22. С. 200].

Права человека как институт

Права человека как самостоятельный институт, регулируемый международным правом, сложился относительно недавно. Практически до середины прошлого века их провозглашение и защита находились в компетенции государств. Устав ООН представляет собой первый в истории человечества многосторонний универсальный договор, заложивший фундамент для широкого взаимодействия государств в области прав человека. Учреждение ООН и принятие ее Устава ознаменовали начало нового этапа межгосударственных отношений в данной сфере. Устав ООН, провозгласивший принцип уважения и соблюдения основных прав и свобод человека, не содержал их перечня. Впервые Каталог прав человека (гражданских, политических, социально-экономических и культурных) был закреплен во Всеобщей декларации прав человека в 1948 году. Этот документ разрабатывался на перспективу и провозглашал права, которые ранее не содержались в международных документах. Ценности и права, перечисленные в Декларации, отражают вклад и компромисс разных цивилизаций и культур. Всеобщая декларация, принятая как резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, впервые в истории международных отношений провозгласила перечень основных прав и свобод «в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства» [17]. Принципы и нормы, провозглашенные в Декларации, имели сначала

рекомендательный характер, но со временем они были закреплены в международных договорах и стали обязательными для всех государств мира.

В научно-экспертном сообществе доминирует точка зрения, согласно которой «анализ понятия “права человека” выделяет ряд признаков, которые раскрывают его смысловое значение и относят его к разряду социологических понятий: среди них — обеспечение достоинства личности. Свобода и достоинство личности являются условием соблюдения основных прав человека. Обязанность по обеспечению достоинства личности возлагается на государство» [1. С. 165]. В частности, Е.М. Мчедлова предложила концепцию прав человека как их «расширенное толкование, исходя из социологической позиции, т.е. рассматривая разные стороны общественной жизни, социальные группы и страты, многосторонние межличностные и межнациональные связи, коммуникационные отношения, глобальные процессы современности, с необходимостью предполагая обеспечение достоинства личности и защищаемое государством и обществом поведение» [14. С. 20].

Коммуникационные отношения, взаимный обмен информацией между индивидами и группами — базовый элемент во взаимосвязи института прав человека и информационного экстремизма. Мы используем аксиологический подход и позиционируем права человека как общечеловеческие ценности. В свою очередь, информационный экстремизм — это законодательно запрещенные действия в информационном пространстве, несущие угрозу безопасности личности и общества, нарушающие права и свободы человека. Информационный экстремизм нацелен на дискредитацию социальных и личных ценностей, а потому выступает общечеловеческой антиценностью. Согласно А. Молю, «информацией в строгом смысле слова называют количество непредсказуемого, содержащегося в сообщении. По сути дела, это количество есть мера того нового, что данное сообщение вносит в среду, окружающую получателя» [13. С. 107]. Информационный экстремизм, намеренно искажающий информацию и/или использующий недостоверные данные, создает условия для искаженного восприятия реальности.

Специфика и трудности определения информационного экстремизма

Сложность определения информационного экстремизма обусловлена рядом обстоятельств [см.: 2; 11; 12; 19]. Во-первых, данный вид экстремизма, как и экстремизм в целом, по-разному трактуется и даже называется: «информационный экстремизм», «экстремизм в информационном пространстве», «экстремизм в информационной среде». Во-вторых, подобно «общему» экстремизму, информационный экстремизм позиционируется главным образом как деятельность и как социальное явление. Скажем, как деятельность информационный экстремизм — это «социально-психическое деструктивное воздействие граждан через использование информационных технологий для достижения противоправных целей» [3. С. 71], а как социальное явление —

«аморален, так как зачастую противоречит принципам духовно-нравственного социального регулирования, направлен на их деградацию и уничтожение» [6. С. 114]. Мы согласны с В.Э. Мозговым, согласно которому «информационный экстремизм — весьма эклектичное явление социума, обладающее противоречивым содержанием. Контурсы информационного экстремизма, его значимые теоретические и эмпирические индикаторы в настоящее время еще недостаточно исследованы» [11. С. 16]. В связи с этим весьма перспективно применение междисциплинарного подхода к его изучению, что позволит всесторонне исследовать характеристики, отличающие информационный экстремизм от иных видов экстремизма. Например, философия трактует информационный экстремизм как «неравноправную коммуникацию», а «экстремистские сообщества — как субъектов этой коммуникации» [7. С. 169], тогда как социологи — в качестве «социально-дезорганизационного процесса» [11. С. 6]. «Информационный экстремизм в Интернете может рассматриваться в качестве собирательного понятия, которое объединяет в себе проявления агрессивного коммуникативного воздействия: манипуляцию сознанием, информационный терроризм, распространение искусственно созданных слухов, киберпреступления» [4. С. 10].

Безусловно, указание на интегральный характер информационного экстремизма — сильная сторона данного определения, но, с другой стороны, оно становится излишне расширительным и в определенной степени эклектичным, поскольку охватывает несколько разнокачественных и разномасштабных деяний и социальных явлений. В частности, информационный терроризм представляет собой самостоятельный социально-правовой феномен, а, если рассматривать его как одну из разновидностей «информационного экстремизма в Интернете», то должен быть отнесен к так называемому «кибертерроризму», тем более что в рассматриваемом определении присутствуют и киберпреступления — как составляющие информационного экстремизма. Ряд современных исследователей относит понятия «киберпреступление» и «киберпреступность» к разряду кибер-атак, «в результате чего может быть нарушена система жизнеобеспечения целого государства и даже подорвана работа системы противоракетной обороны, что является нарушением государственного суверенитета и актом агрессии» [21. С. 67].

В научной литературе обозначено два базовых направления (разновидности) информационного экстремизма: материальный (физический) и интеллектуальный. В качестве основного «оружия» материального информационного экстремизма выступает нарушение коммуникаций, деформация важнейших коммуникационных связей в целях создания хаоса в информационном обществе [9. С. 107]. Такое разделение видов информационного экстремизма представляется не вполне корректным, поскольку «материальный информационный экстремизм» является кибертерроризмом.

В большинстве научных публикаций, посвященных проблематике информационного экстремизма и противодействия ему, авторы ссылаются на

определение, которое еще в 2007 году сформулировал Р.В. Упорников: «Информационный экстремизм — это деятельность, осуществляемая с использованием информационных технологий, сопряженная с формами социально-психического и опосредованного физического деструктивного влияния, результатом которой является достижение публично нелегитимных и противоправных целей» [21. С. 7]. В качестве ключевого критерия «информационного экстремизма» выступает нанесение законным интересам, правам и свободам граждан физического, материального, морального и иного психологического ущерба. Кроме того, современная специфика информационного экстремизма заключается в том, что он приобретает, посредством технологий информационной коммуникации, безличный, анонимный характер, поскольку направлен на достижение определенных целей, на которых концентрируется внимание общества, жертвуются отдельные ценности, права, свободы, а нередко и жизни индивидов» [21. С. 26].

Таким образом, с позиции теории сложных социальных систем информационный экстремизм — разновидность интеллектуального экстремизма в сложной социальной системе информационного обществ. Вероятно, понятие «информационный экстремизм» сложилось в научном дискурсе, подчиняясь очевидным законам словообразования: переход «общего» экстремизма в сферу информационных технологий, в так называемое «информационное пространство», обусловил возникновение термина «информационный экстремизм» [9. С. 106]. «Экстремистские сообщества не только захватывают все новые сферы информационного пространства, но и с успехом прививают собственные аксиологические установки широкой аудитории. И, таким образом, информационный экстремизм — это подготовительная ступень для других видов экстремизма, формирующая благоприятную среду для распространения и принятия экстремистских идей и идеалов» [7. С. 169].

Вместе с тем информационный экстремизм выступает не только в качестве своеобразной «подготовительной ступени» для иных типов экстремизма, но и находит проявление в каждом из этих типов — вероятно, в этом состоит главная специфика информационного экстремизма. Само понятие «информационный экстремизм» полисеманлично: любой экстремизм (политический, национальный, религиозный и т.п.), по сути, является информационным. Так, представители и последователи политического экстремизма оперируют той или иной информацией (распространяют ее, используют в своих интересах, в частности, для рекрутинга новых сторонников). Информация выступает инструментом пропаганды («продвижения») ценностных установок, идеологем, ключевых составляющих экстремистского мировоззрения.

В то же время информационный экстремизм представляет собой самостоятельный социально-правовой феномен, который имеет не только внутренний (национальный) формат, но и геополитический контекст. Однако до сих пор в Российской Федерации отсутствует законодательное закрепление информационного экстремизма, что явно не содействует его эффективному

противодействию (административно-правовому, уголовно-правовому и т.п.) и не обеспечивает консолидированное и справедливое правоприменение. Таким образом, важной проблемой остается правовое определение информационного экстремизма. Отсутствие четкой и однозначной дефиниции «общего» экстремизма в действующем антиэкстремистском законодательстве (прежде всего, речь идет о Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ) серьезным образом затрудняет «идентификацию» информационного экстремизма с помощью правовых средств.

Учитывая, что в ближайшее десятилетие информационный экстремизм будет набирать обороты в глобальном виртуальном пространстве, видоизменяясь и мимикрируя, но по своей антисоциальной сущности оставаясь крайне негативным социально-правовым феноменом, российскому законодателю следует уточнить в федеральном законе № 114-ФЗ основные разновидности экстремизма, в том числе дать определение информационного экстремизма.

Концепция прав человека в области информации основывается на положении, что основным субъектом права на свободу слова и информации является индивид. Государство несет ответственность за распространение противоправной информации его гражданами, и его основная задача — уравнивание прав пользования свободой информацией отдельными лицами [15. С. 50]. Право человека на информацию в современных реалиях нуждается в существенной корректировке: в контексте разработки и принятия Хартии прав человека для XXI века и дальнейшего развития информационных прав (в том числе цифровых) следует говорить о праве на достоверную информацию (не вводящую в заблуждение). Поэтому Комитету по правам человека ООН следует подготовить соответствующее Замечание общего порядка согласно статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, содержащее развернутое уточнение характера и качества информации, право на поиск, получение и распространение которой закреплено в пункте 2 статьи 19: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ устно, письменно, посредством печати или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору. Пользование предусмотренными... правами налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: для уважения прав и репутации других лиц; для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения» [10].

В тот период, когда разрабатывались и принимались международные пакты о правах человека, не было столь мощных информационных потоков, и разработчики пактов полагали, что речь идет о достоверной информации, не вводящей в заблуждение. Соответственно, государства-участники пактов

в докладах о выполнении взятых на себя обязательств имели в виду именно объективную и достоверную информацию.

Таким образом, в настоящее время, в период глобальных геополитических и социокоммуникативных трансформаций, информационные права человека стали главным объектом целенаправленного и деструктивного воздействия со стороны информационного экстремизма. Мировому сообществу (под эгидой ООН и ее специализированных учреждений) следует принимать решительные меры, направленные на эффективное противодействие международному информационному экстремизму, не забывая о том, что непродуктивно опираться исключительно на силовые методы — нужна кропотливая и грамотная работа (образовательного и воспитательного плана) с широкими слоями населения, прежде всего молодежью, а также полноценное обеспечение и защита прав и свобод человека, надлежащее выполнение государствами всех взятых на себя обязательств в правозащитной сфере.

Библиографический список

- [1] Бражников Д.А. Права человека: социологический аспект // Современные исследования социальных проблем. 2015. № 7.
- [2] Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2009. № 111.
- [3] Воробьев В.В., Амбросий А.В. Понятие информационного экстремизма, его проявления в сети Интернет // Юридические науки, правовое государство и современное законодательство: сб. ст. Пенза, 2018.
- [4] Воронович Н.К. Интернет как угроза информационной безопасности России: Дисс. к.с.н. Краснодар, 2012.
- [5] Гигаури Д.И., Стульба И.А. Права человека как философский концепт с позиции представителей юснатурализма // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 1.
- [6] Городенцев Г.А. Информационный экстремизм как феномен общества начала XXI в. // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории. Краснодар, 2016.
- [7] Диль В.А. Тенденции развития современного экстремизма: молодежный и информационный экстремизм // Известия Томского политехнического университета. 2009. Т. 314. № 6.
- [8] Исакова Г.К. Социокультурный контекст прав человека: диалог культур Восток-Запад // Академический вестник. 2012. № 2.
- [9] Карягина А.В. Информационный экстремизм в современном государственно-правовом пространстве // Философия права. 2010. № 4.
- [10] Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят Резолюцией 2200А(XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
- [11] Мозговой В.Э. Информационный экстремизм в условиях социокоммуникативных трансформаций российского общества: Дисс. к.с.н. Краснодар, 2015.
- [12] Мозговой В.Э. Особенности информационной экстремистской деятельности: социологический анализ // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 7.
- [13] Моль А. Социодинамика культуры. М., 2008.
- [14] Мчедлова Е.М. Социология прав человека: теоретико-методологический анализ: Дисс. д.с.н. М., 2006.
- [15] Невинский В.В. Права человека как социальная ценность в контексте мировой истории // Вестник СГЮА. 2013. № 4.

- [16] Нугманов Н.А. Международно-правовое регулирование информационных прав человека и границы их возможного правового ограничения // *European Science*. 2016. № 11.
- [17] Пушкарева Е.А. Права человека как аксиологическая философско-правовая концепция в современной социальной ситуации // *Сибирский международный журнал*. 2018. № 20.
- [18] Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 217А(III) от 10 декабря 1948 года // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml.
- [19] Стадников М.Г., Щеглов А.А. Социальная психология современного экстремизма. М., 2014.
- [20] Сулов А.В. Права и свободы человека как объект философской рефлексии: от классических истоков к неклассическим перспективам // *Философская мысль*. 2021. № 3.
- [21] Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: Дисс. к.ю.н. Ростов-на-Дону, 2007.
- [22] Чулюкин Л.Д., Гурьянова В.В. Ценности общества и права человека // *Вестник экономики, права и социологии*. 2016. № 4.
- [23] Ignatieff M. Human Rights as Politics: Tanner Lectures on Human Values. Delivered at Princeton University on April 4–7, 2000 // URL: <https://tannerlectures.utah.edu/lecture-library.php>.
- [24] Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values // *American Sociological Review*. 2000. Vol. 65.
- [25] Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge, 1999.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-580-589

Human rights and information extremism*

V.A. Kartashkin¹, E.P. Bykov²

¹Institute of State and Law of RAS
Znamenska St., 10, Moscow, 119019, Russia

²RUDN University
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: v.kartashkin@mail.ru; eg.bykov@inbox.ru)

Abstract. The article considers the urgent issue of a scientific-practical nature — the relationship between the institution of human rights and such a complex social-legal phenomenon as information extremism, which the authors consider from the standpoint of the theory of complex social systems — as one of the varieties of intellectual extremism in information society. The authors apply the axiological approach to position human rights as universal values. Therefore, information extremism is a legally prohibited activity (a set of acts, actions) in the information space, which is illegal in nature, threatens the foundations of the constitutional order and security of the individual and society, and violates human rights and freedoms. Information extremism aims at destroying and discrediting social and personal values, imposing values and simulacra that are unacceptable for the individual and society, i.e., information extremism is a universal human anti-value. Information is a construct of reality and one of social values; therefore, information extremism, which deliberately uses fake information, creates conditions for a distorted perception of reality. Thus, under the current global geopolitical and social-communicative transformations, information human rights are the main object of the purposeful and destructive influence for information extremism. The article

---

* © V.A. Kartashkin, E.P. Bykov, 2021

The article was submitted on 04.03.2021. The article was accepted on 04.06.2021

focuses on the fact that in the contemporary pandemic realities, the human right to information needs to be significantly changed — the authors propose to develop a new charter of human rights in order to develop mechanisms for protecting information rights. Under the constant expansion of telecommunications, the growth of information flows and digitalization of almost all spheres of life, it is necessary to ensure the human right to reliable information: the UN Human Rights Committee should make an appropriate General Comment in accordance with the Article 19 of the International Covenant on Civil and Political Rights to clarify the nature and quality of information which can be sought, received and distributed according to the Paragraph 2 of this article.

Key words: human rights; information extremism; information; information rights; right to reliable information; social values

References

- [1] Brazhnikov D.A. Prava cheloveka: sociologicheskyy aspekt [Human rights: A sociological aspect]. *Sovremennyye Issledovaniya Sotsialnykh Problem*. 2015; 7. (In Russ.).
- [2] Vekhov I.V. Ekstremizm kak ob'ekt sotsiologicheskogo issledovaniya [Extremism as an object of sociological research]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*. 2009; 111. (In Russ.).
- [3] Vorobiev V.V., Ambrosiy A.V. Ponyatie informatsionnogo ekstremizma, ego proyavleniya v seti Internet [The concept of information extremism, its manifestation on the Internet]. *Yuridicheskie nauki, pravovoe gosudarstvo i sovremennoe zakonodatelstvo*: sb. st. Penza; 2018. (In Russ.).
- [4] Voronovich N.K. *Internet kak ugroza informatsionnoy bezopasnosti Rossii* [Internet as a Threat to the Information Security of Russia]: Diss. k.s.n. Krasnodar; 2012. (In Russ.).
- [5] Gigauri D.I., Stulba I.A. Prava cheloveka kak filosofskiy kontsept s pozitsii predstavitelej yusnaturalizma [Human rights as a philosophical concept from the standpoint of jusnaturalism]. *Manuskript*. 2019; 12 (1). (In Russ.).
- [6] Gorodentsev G.A. Informatsionnyy ekstremizm kak fenomen obshchestva nachala XXI v. [Information extremism as a social phenomenon of the early 21st century]. *Pravo i gosudarstvo: problemy metodologii, teorii i istorii*. Krasnodar; 2016. (In Russ.).
- [7] Dil V.A. Tendentsii razvitiya sovremennogo ekstremizma: molodezhnyy i informatsionnyy ekstremizm [Trends in the development of contemporary extremism: Youth and information extremism]. *Izvestiya Tomskogo Politekhnicheskogo Universiteta*. 2009; 314 (6). (In Russ.).
- [8] Iskakova G.K. Sotsiokulturnyy kontekst prav cheloveka: dialog kultur Vostok-Zapad [Social-cultural context of human rights: Dialogue of cultures East-West]. *Akademicheskyy Vestnik*. 2012; 2). (In Russ.).
- [9] Karyagina A.V. Informatsionnyy ekstremizm v sovremennom gosudarstvenno-pravovom prostranstve [Information extremism in the contemporary state-legal space]. *Filosofiya Prava*. 2010; 4. (In Russ.).
- [10] Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh. Prinyat Rezolyutsiej 2200A(XXI) Generalnoy Assamblei ot 16 dekabrya 1966 goda [International Covenant on Civil and Political Rights. Adopted by the General Assembly Resolution 2200A(XXI) of December 16, 1966]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (In Russ.).
- [11] Mozgovoy V.E. Informatsionnyy ekstremizm v usloviyakh sotsiokommunikativnykh transformatsiy rossijskogo obshchestva [Information extremism under the social-communicative transformations of the Russian society]: Diss. k.s.n. Krasnodar; 2015. (In Russ.).
- [12] Mozgovoy V.E. Osobennosti informatsionnoy ekstremistskoj deyatel'nosti: sotsiologicheskyy analiz [Features of the information-extremist activity: A sociological analysis]. *Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova*. 2014; 7. (In Russ.).
- [13] Moles A. *Sotsiodinamika kultury* [Sociodynamics of Culture]. Moscow; 2008. (In Russ.).
- [14] Mchedlova E.M. *Sotsiologiya prav cheloveka: teoretiko-metodologicheskyy analiz* [Sociology of Human Rights: A Theoretical-Methodological Analysis]: Diss. d.s.n. Moscow; 2006. (In Russ.).

- [15] Nevinsky V.V. Prava cheloveka kak sotsialnaya tsennost v kontekste mirovoj istorii [Human rights as a social value in world history]. *Vestnik SGYuA*. 2013; 4. (In Russ.).
- [16] Nugmanov N.A. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie informatsionnyh prav cheloveka i granitsy ih vozmozhnogo pravovogo ogranicheniya [International legal regulation of human information rights and their possible legal limitations]. *European Science*. 2016; 11. (In Russ.).
- [17] Pushkaryova E.A. Prava cheloveka kak aksiologicheskaya filosofsko-pravovaya kontseptsiya v sovremennoj sotsialnoj situatsii [Human rights as an axiological philosophical-legal concept in the contemporary social situation]. *Sibirsky Mezhdunarodny Zhurnal*. 2018; 20. (In Russ.).
- [18] Rezolyutsiya Generalnoj Assamblei OON 217A(III) ot 10 dekabrya 1948 goda [Resolution of the UN General Assembly 217A(III) of December 10, 1948]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. (In Russ.).
- [19] Stadnikov M.G., Shcheglov A.A. *Sotsialnaya psihologiya sovremennogo ekstremizma* [Social Psychology of Contemporary Extremism]. Moscow; 2014. (In Russ.).
- [20] Suslov A.V. Prava i svobody cheloveka kak ob`ekt filosofskoj refleksii: ot klassicheskikh istokov k neklassicheskim perspektivam [Human rights and freedoms as an object of philosophical reflection: From classical origins to non-classical perspectives]. *Filosofskaya Mysl*. 2021; 3. (In Russ.).
- [21] Upornikov R.V. *Politiko-pravovye tekhnologii protivodejstviya informatsionnomu ekstremizmu v Rossii* [Political-Legal Technologies for Countering Information Extremism in Russia]: Diss. k.yu.n. Rostov-on-Don; 2007. (In Russ.).
- [22] Chulyukin L.D., Guriyanova V.V. Tsennosti obshchestva i prava cheloveka [Social values and human rights]. *Vestnik Ekonomiki, Prava i Sotsiologii*. 2016; 4. (In Russ.).
- [23] Ignatieff M. *Human Rights as Politics: The Tanner Lectures on Human Values*. Delivered at Princeton University on April 4–7, 2000. URL: <https://tannerlectures.utah.edu/lecture-library.php>.
- [24] Inglehart R., Baker W.E. Modernization, cultural change and the persistence of traditional values. *American Sociological Review*. 2000; 65.
- [25] Wendt A. *Social Theory of International Politics*: Cambridge; 1999.